

ВОРОНЕЖСКАЯ СЫСКНАЯ ПОЛИЦИЯ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ

А. В. Перегудов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 апреля 2022 г.

Аннотация: освещаются причины учреждения, вопросы организационного строительства и кадровой политики сыскной полиции в Российской империи. Центральное место занимает сюжет о становлении Воронежского сыскного отделения и его руководящем составе.

Ключевые слова: сыскная полиция, уголовная преступность, Воронежская губерния.

Abstract: this publication interprets about the reasons of state institution and questions of organizational development detective police in the Russian empire. The main part of publication is a story about formation Voronezh detective department and his leaders.

Key words: detective police, criminality, Voronezhskaya province.

Необходимость создания сыскной полиции в Российской империи назревала давно. В эпоху Великих реформ 60–70-х гг. XIX в. фиксируется резкий рост преступности. Проводимые преобразования привели к разрушению традиционного уклада жизни и повышению социальной мобильности населения. Наиболее уязвимые слои общества не смогли быстро адаптироваться к новым условиям, в результате чего значительная часть городских жителей оказалась люмпенизирована.

Жертвами мошенников становились в том числе высокопоставленные сановники. К примеру, министр внутренних дел А. Е. Тимашев (1868–1878), вернувшись после обедни из московского Успенского собора, не обнаружил в своем кармане кошелек, золотого портсигара с бриллиантовой монограммой, а также портфеля, в котором были нужные записки [1, с. 7].

Преступность в России во второй половине XIX в. росла темпами, существенно обгонявшими темпы роста численности населения. В период с 1876 по 1889 г. население ежегодно увеличивалось в среднем на 1,5 %, а число возбужденных уголовных дел – на 4 %. По данным С. С. Остроумова, посвятившего изучению преступности дореволюционного периода целую монографию, число ежегодно осуждаемых преступников также неуклонно росло и в 1890 г. составило по отношению к 1876 г. 160 % [2, с. 31–32]. Как писал юрист-либерал того времени Н. Селиванов, сетуя на отсутствие судебно-полицейского розыска, «не тому нужно удивляться, что более половины пре-

ступлений у нас остается не раскрытыми, а тому, что другая половина раскрывается» [3, с. 309].

Становление сыскной полиции в дореволюционной России проходило в два этапа. Первый связан с созданием органов уголовного сыска в таких крупных городах, как Санкт-Петербург (1866), Варшава (1874), Киев (1880), Москва (1881) и др. Сыскные учреждения функционировали в составе канцелярий обер-полицмейстеров, полицмейстеров и градоначальников. Российские власти осознавали, что именно в этих крупных городских центрах с их динамичным ритмом наблюдается высокий уровень пришлового элемента, острее проявляется имущественное расслоение и, как следствие, запредельная вероятность совершения противоправных действий.

Второй этап в становлении сыскной полиции связан с событиями Первой российской революции. Получили широкое распространение новые виды преступлений, ранее встречавшиеся крайне редко: террористические акты, нападения на служащих полиции и жандармерии. Разгул преступности в 1905–1907 гг. заставил правительство принять решение о создании всероссийской системы уголовного сыска. 6 июля 1908 г. Николай II подписал закон «Об учреждении сыскной части» [4]. При городских полицейских управлениях в 89 губерниях учреждались сыскные отделения четырех разрядов «для производства розыска по делам общеуголовного характера». Разряд напрямую зависел от численности населения того или иного города. Общее руководство сыскными отделениями осуществляло VIII делопроизводство Департамента полиции МВД.

В данной статье речь пойдет об организационном оформлении сыскной полиции крупнейшего города

Центрального Черноземья – Воронежа, представлявшей собой один из типичных образцов органов уголовного розыска провинциальной России начала XX в.

Сыскное отделение г. Воронежа относилось ко второму разряду. По данным на 1 июля 1909 г. в губернском центре проживало 97 682 человека [5, с. 76]. Штат сыскного отделения включал начальника, его помощника, трех полицейских надзирателей и шесть городских (в документах именованных агентами), всего 11 человек. Годовое содержание начальника отделения обходилось казне в 1750 руб.: 700 руб. жалованье, 700 руб. столовых и 350 руб. на разъезды. Начальник сыскного отделения по закону обладал существенной льготой – освобождение от мобилизации в армию в случае начала войны.

9 августа 1910 г. МВД утвердило основополагающий документ, определявший деятельность российских сыщиков – «Инструкция чинам сыскных отделений» [6]. Основными методами работы сыщиков стали наружное наблюдение и использование негласных сотрудников. Согласно «Инструкции», деятельность сыщиков контролировалась прокуратурой. Чиновники сыскного отделения в сфере производства дознания о преступлениях действовали под руководством прокурора местного окружного суда и подчинялись его указаниям. Начальник сыскного отделения был обязан докладывать прокурору о ходе негласных расследований, которые предпринимались с целью предупреждения общеуголовных преступлений.

Одновременно с этим «Инструкция» устанавливала структуру сыскных отделений и принципы организации их работы. Каждое отделение состояло из четырех структурных подразделений-столов: 1) личного задержания; 2) розысков; 3) наблюдения; 4) справочного регистрационного бюро. Последнее составляло «главную часть внутренней организации сыскного отделения», поскольку занималось установлением личности преступников и их регистрацией, выдачей справок о судимости и розыске скрывающихся лиц.

В то же время «Инструкция» 1910 г. имела ряд недочетов и противоречий, значительно осложнявших сыскную деятельность. К примеру, все сотрудники сыскных отделений, начиная от начальника и заканчивая городскими, обязаны были носить форменную одежду и только в случаях особой необходимости могли надевать штатское платье. Вскоре Департамент полиции МВД под натиском сообщений с мест о нецелесообразности выполнения этого положения вынужден был уступить и к 1912 г. сыщикам фактически рекомендовали при выполнении служебных обязанностей носить штатскую одежду, а форму надевать лишь «при явке начальству» [7, с. 142]. Отметим, что в воспоминаниях о своей деятельности такие мэтры

сыскной полиции, как И. Д. Путилин и А. Ф. Кошко, неоднократно указывали на переодевание, позволявшее им перевоплощаться в представителей разных сословий, как на эффективнейший метод розыска.

Также один из пунктов «Инструкции» гласил, что «район деятельности каждого сыскного отделения определяется преимущественно пределами ведения полицейского управления, в состав которого оно входит», что означало замкнутость на городе. Подобное требование несколько не соответствовало закону от 6 июля 1908 г., где говорилось, что сыскные отделения учреждаются «для производства розыска... как в городах, так и в уездах». Однако на практике все оказалось иначе. «Нередко наблюдались случаи, – писал “Вестник полиции” в 1913 г., – когда зарегистрированный серьезный преступник, и даже разыскиваемый, совершенно свободно проживал в уезде в то время, когда его тщательно разыскивали в городе. Это объяснялось тем, что сведения о нем не имелись в распоряжении уездных полицейских властей или же за неимением у последних средств наблюдения преступник оставался без должной регистрации» [1, с. 11]. Теоретически, «по особым поручениям», сыщики могли осуществлять розыскную деятельность и в уездах. Финансирование такого вида розыска осуществлялось казной, но чаще всего это были не твердо фиксированные суммы, выдаваемые на год, а периодические выплаты по ходатайству губернатора, покрывающие расходы чинов полиции из собственных средств. Понятно, что такой способ финансирования (путем погашения затраченных денег) сказывался не лучшим образом на результативности поиска. Например, что было делать, если на преследование преступника средств у полицейского не было, а обращение к вышестоящему начальству требовало времени, в течение которого злоумышленник уже скрывался? Таким образом, фактически оплачивался результат, а не процесс работы, несмотря на то что это были штатные служащие [8, с. 166]. Как видим, один из главных недостатков организации сыскной полиции в Российской империи – ее децентрализация.

Техническое оснащение учрежденных сыскных отделений было на высоком уровне. С 1908 г. думская комиссия одобрила проект выделения средств для оборудования всех отделений фотоаппаратурой, а также антропометрических и дактилоскопических кабинетов. Во многом благодаря этому российская полиция оказалась одной из лучших криминалистических служб мира. Каждое сыскное отделение, по примеру полицейских учреждений Франции, было оснащено фотоаппаратом системы Бертильона образца 1907 г. Он обладал тремя важнейшими для российской сыскной полиции качествами – дешевизной, портативностью и универсальностью. Кроме того, сыскные отделения снабжались маленькими

ручными фотокамерами для моментальной съемки. В Воронежском отделении их было четыре. Антропометрические инструменты для канцелярий российских сыщиков тоже были заказаны в Париже. Так, в октябре 1909 г. служащие Воронежского сыского отделения задержали 94 человека (84 мужчины и 10 женщин). С 56 человек «сняли фотографии», 58 измерили [9, л. 19].

Подобным арсеналом технических новшеств не могли похвастаться в других полицейских учреждениях. Например, воронежские жандармы регулярно размещали в сыском отделении свои заказы на изготовление фотографических карточек с преступников, оплачивая их в соответствующем размере (как правило, нескольких рублей).

Практически во всех сыских отделениях были организованы музеи, предназначенные для обучения личного состава. В провинциальных отделениях, многие из которых ютились в одной-двух комнатах, музей представлял собой шкаф-витрину, где хранились воровские инструменты, орудия преступлений, фальшивые деньги и изъятые сыщиками документы [7, с. 121].

Помимо государственного бюджета финансирование сыских отделений осуществлялось по линии городских обществ и губернского правления. При закупке мебели и оборудования ограничивались преимущественно самыми необходимыми и недорогими вещами. Типичный набор мебели для сыщиков состоял из трех шкафов, четырех столов, двух дюжин венских стульев, витрины для музея и пишущей машинки. Где-то к этому набору добавлялись копировальный аппарат, настольные лампы или портрет императора.

18 мая 1910 г. Департамент полиции циркулярно указал всем сыским отделениям на «желательность приобретения собак-ищеек». Небольшой питомник с несколькими собаками и проводником при них появился в Воронеже в 1912 г.

Воронежское сыское отделение открыло свои действия осенью 1908 г., разместившись в том же здании, что и городское полицейское управление. Его первым начальником стал 45-летний Геннадий Михайлович Бережицкий, служивший до этого полицейским надзирателем Петербургской сыской полиции. Он родился 10 ноября 1862 г. Происходил из крестьян Черниговской губернии, православного вероисповедания, получил домашнее воспитание. Был дважды женат, имел двоих детей, по одному от каждого брака. Имений ни за ним, ни за супругой не значилось [10, л. 20–29].

К моменту назначения в Воронеж общий стаж полицейской службы Г. М. Бережицкого составлял 23 года, 17 из них он провел в столице. Исходя из послужного списка, Г. М. Бережицкий был специали-

стом по раскрытию краж, грабежей, игорных принонов. Например, в 1907 г. им была задержана шайка грабителей, у которых удалось отобрать бомбы, взрывчатые вещества и нелегальную литературу [там же, л. 16]. В апреле 1905 г. Николай II «Всемилюстивейше соизволил пожаловать» его за отличие по службе званием личного почетного гражданина.

5 августа 1908 г. Г. М. Бережицкий подал рапорт своему петербургскому начальнику В. Г. Филиппову с просьбой ходатайствовать о переводе с повышением в Воронеж. Вскоре соответствующее прошение было направлено воронежскому полицмейстеру А. О. Бернатовичу: «Для замещения должности начальника сыского отделения в г. Воронеже я признаю возможным рекомендовать полицейского надзирателя Геннадия Бережицкого вверенной мне сыской полиции, который состоит на службе в полиции с 1885 г. и при своих безукоризненных нравственных качествах и выдающихся способностях к обязанностям своим относился и относится с неутомимым усердием и энергией» [там же, л. 2–2 об.]. В. Г. Филиппов характеризовал своего подчиненного как опытного и способного агента, которому поручались дела наиболее сложные и важные, в том числе и за пределами столицы, и с которыми он всегда успешно справлялся.

Основным мотивом, побудившим Г. Бережицкого перебраться в Воронеж, вероятнее всего, было желание занять самостоятельную должность и улучшить материальное положение. В целом по России три четверти вакансий начальников сыских отделений заняли чины наружной полиции, не имевшие опыта сыской деятельности. Остальные вакансии заполнили бывшими офицерами, чиновниками других ведомств, иногда людьми, ранее вообще не служившими на государственной службе [7, с. 109]. Теоретически Воронежское сыское отделение с назначением Г. М. Бережицкого должно было оказаться в более выигрышном положении по сравнению с другими. Образцом при организации работы сыских отделений по всей России в 1908 г. послужила Санкт-Петербургская сыская полиция, в которой он служил много лет и работал под началом таких выдающихся сыщиков, как В. Г. Филиппов и А. Ф. Кошко, опыт которых мог быть перенесен в Воронеж.

Многократно прав был чиновник особых поручений МВД В. И. Лебедев, стоявший у истоков общероссийской системы сыской полиции 1908 г., утверждая, что «...от соответствующего своему назначению руководителя сыском часто зависит успех этого важного и ответственного дела. Призванные быть руководителями уголовного сыска должны быть избираемы из людей испытанной твердости характера, неподкупной честности, безупречного прошлого и по нравственным своим качествам должны быть

вне всяких подозрений, дабы они были всегда, – заключал полицейский чиновник, – в состоянии перед каждым держать себя с непоколебимым сознанием собственного достоинства и нравственного превосходства над той преступной средой, с которой им приходится вести непрерывную изо дня в день усложняющуюся борьбу» [11, с. 10].

Воронежский губернатор действительный статский советник М. М. Бибииков с кандидатурой петербургского полицейского надзирателя согласился. «Уведомляю, что по отзывам прокурора суда и воронежского полицмейстера, – писал он в Департамент полиции 21 августа 1908 г., – в составе местных чинов полиции не имеется кандидатов на занятие должности начальника сыскного отделения, и потому на эту должность мною будет назначен, по получении от Петербургского градоначальника о неимении препятствий, Бережицкий» [10, л. 6]. 10 октября 1908 г. вышел приказ губернатора № 68 о переводе Г. М. Бережицкого в штат Воронежской городской полиции с назначением его временно исправляющим должность начальника сыскного отделения. Околоточные надзиратели городской полиции Михаил Колесников и Александр Воюцкий назначались полицейскими надзирателями сыскного отделения. О произведенных назначениях поручалось напечатать в губернских ведомостях [там же, л. 10]. Так был сформирован костяк Воронежской сыскной полиции. 10 октября 1908 г. можно считать днем ее рождения.

Способности к сыскной деятельности у Г. М. Бережицкого, о которых в один голос говорили его бывшие начальники, и вправду были на должном уровне. Так, в ноябре 1909 г. воронежский полицмейстер Д. Д. Норов в рапорте на имя нового губернатора С. И. Голикова сообщал «о полезной деятельности» начальника сыскного отделения. В частности, речь шла о совершенных кражах: в ночь на 25 октября злоумышленники, взломав окно, пробрались в дом воронежского купца С. Попова и украли 500 руб. из несгораемого шкафа; 11 ноября из мануфактурного магазина мещанина Н. Левенсона, выломав в помещении магазина со двора окно и ставню, воры похитили товар на сумму около 1685 руб. «Благодаря энергичным мерам, принятым начальником сыскного отделения Бережицким по моему поручению и умелому отношению его к делу, – говорилось в рапорте, – означенные кражи раскрыты, преступники задержаны» [9, л. 30]. Из доклада полицмейстера следовало, что ограбление купца совершили двое крестьян, мануфактурного магазина – трое крестьян и один мещанин. Все они были переданы судебным властям. Примечательно, что задержание одного из преступников и произведенный у него обыск в слободе Ямской Воронежского уезда позволили выйти на след совершенных ранее злодеяний: «Кроме ма-

нуфактурного товара Левенсона, обнаружена и отобрана масса, видимо, краденых вещей, заключающаяся в ремесленных и железнодорожных инструментах, американских ключах, платье и сбруе, а также много водки казенного и собственного разлива» [там же].

Г. М. Бережицкий возглавлял Воронежское сыскное отделение немногим более года. В начале февраля 1910 г. по результатам проведенной ревизии он был уволен. Основанием для проверки стали низкие показатели раскрываемости преступлений (около трети от общего числа) и многочисленные жалобы и доносы на главного воронежского сыщика, в том числе анонимные. Несмотря на хвалебный отзыв со стороны полицмейстера, полезные действия Г. М. Бережицкого ограничились, судя по всему, лишь указанным эпизодом. Самостоятельная должность пошла во вред человеку, исполнявшему до этого скромные обязанности полицейского надзирателя, а возможность улучшить материальное положение выдвинулась ему исключительно в коррупционном ключе. Очень быстро он приобрел в Воронеже дурную славу. Обнаружились его непрофессионализм, а также отрицательные черты характера: неуживчивость с начальством и грубость с подчиненными, склонность к пьянству и площадной брани, нетактичные высказывания в адрес августейших особ и взяточничество.

«Начальник сыскного отделения коллежский регистратор Бережицкий не производит впечатления даже опытного сыщика. По составившемуся у меня убеждению, – писал проводивший ревизию управляющий губернаторской канцелярией Я. Генерозов, – он не может стоять во главе учреждения по отсутствию инициативы и проницательности. <...> Бессвязность речи, уклонение от делового тона, когда я внезапно посетил сыскное отделение при начале ревизии и 1 октября [1909 г.], убеждают меня в том, что Бережицкий проводит весело время. Грубое обращение со своим помощником указывает на неумение его держать себя по отношению к подчиненным. Вообще я нахожу, что сыскное отделение во главе с Бережицким стоит не на должной высоте и не приносит той пользы делу, которое могло бы приносить при более развитом и деятельном начальнике» [12, л. 6].

В дальнейшем бывший начальник Воронежского сыскного отделения искал место в соседней Орловской губернии, но, не найдя, вернулся в Петербург и продолжил службу в хорошо знакомой ему столице. В 1913 г. выслужил следующий классный чин губернского секретаря.

В последующие годы сыскное отделение г. Воронежа возглавляли губернский секретарь С. И. Сипицын (1910–1913) и коллежский регистратор П. Д. Шубников (1914–1917).

О выходе из мешан Сергея Сипицыне полицмейстер Д. Норов был такого мнения: «Хороший работник, прекрасных нравственных качеств, но как начальник слабый – не умеет поставить себя с подчиненными» [13, л. 36].

Руководитель российского уголовного сыска В. И. Лебедев писал в свое время, что «все вообще лица, посвящающие себя занятиям по уголовному сыску, должны обладать пронизательностью, тонкой и быстрой сообразительностью, решительностью, самоотвержением и особым умением находить выход из затруднительных положений» [11, с. 9–10]. Но это, скажем так, был образ идеального сыщика, подобие которого желали видеть в Департаменте полиции. Практика жизни показала, что встретить такого полицейского – редкая удача.

В отсутствие какой бы то ни было системы подготовки полицейских кадров в Российской империи служащие могли рассчитывать только на собственные силы. «Трудный путь самообразования приходится пройти каждому серьезно относящемуся к исполнению своих обязанностей чиновнику сыскальной полиции», – заключал В. И. Лебедев [там же].

Подводя некоторые итоги, отметим, что проблемы российских провинциальных сыщиков сводились к малочисленности сотрудников, текучке кадров, слабому финансированию оперативно-разыскной деятельности и отсутствию системы профессионального образования. Фигура первого руководителя Воронежского сыскального отделения – своего рода «кот в мешке». Человек со стороны был неизвестен губернским властям, но, учитывая хорошую протекцию и острую необходимость в закрытии вакансии, местная администрация быстро согласилась с предложенной кандидатурой.

В марте 1917 г. Временное правительство упразднило Департамент полиции МВД и все его структурные подразделения, в том числе сыскальные отделения. Несмотря на объективные трудности, сыскальные отделения, созданные в ответ на резкий рост преступности в годы Первой российской революции, отчасти справились с поставленными задачами и доказали на практике свою эффективность. В недалеком будущем накопленный опыт стал основой для создания

органов уголовного розыска в Советской России. Дабы не быть голословными, сошлемся на начальника воронежского губернского розыска, информировавшего местные власти в 1924 г. о проведении розыскной работы «путем секретного осведомления, агентурной разработки, точного учета преступного элемента и притонов, периодическими их поверками и обходами, применением облав и более строгих, наиболее действительных мер по охране преступников и, наконец, углублением методов научной борьбы с преступностью путем широкого применения дактилоскопии, фотографии и собак-ищек» [14, л. 21, 25].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шинджихашивили Д. И. Сыскальная полиция царской России в период империализма / Д. И. Шинджихашивили. – Омск, 1973.
2. Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России / С. С. Остроумов. – М., 1980.
3. Селиванов Н. Судебно-полицейский розыск у нас и во Франции / Н. Селиванов // Юридический вестник. – 1884. – № 2.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание III : в 33 т. – Т. 28. – Отд. 1. – № 30672.
5. Памятная книжка Воронежской губернии на 1910 г. – Воронеж, 1910. – Отдел I.
6. Инструкция чинам сыскальных отделений. – СПб., 1910.
7. Шаламов А. Ю. Российский «фараон» : сыскальная полиция Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. / А. Ю. Шаламов. – М., 2013.
8. Полиция Курской губернии : история становления и деятельности (1864–1917) / Г. А. Салтык [и др.]. – Курск, 2007.
9. Государственный архив Воронежской области (далее – ГА ВО). – Ф. И-6. – Оп. 2. – Д. 176.
10. ГА ВО. – Ф. И-2. – Оп. 9. – Д. 453.
11. Лебедев В. И. Искусство раскрытия преступлений / В. И. Лебедев. – СПб., 1909.
12. ГА ВО. – Ф. И-6. – Оп. 2. – Д. 201.
13. ГА ВО. – Ф. И-6. – Оп. 2. – Д. 365.
14. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1031.

*Воронежский государственный университет
Пере́гудов А. В., кандидат исторических наук, доцент
кафедры политической истории
E-mail: peregydoff@mail.ru*

*Voronezh State University
Peregudov A. V., Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Political History Department
E-mail: peregydoff@mail.ru*